

18 июля 1980 года

Комсомолец Узбекистана

С. Ташценов

ЖИЗНЬ В БАЛЕТЕ

Речь черноволосой, небольшого роста, но живой, как ртуть, народной артистки Советского Союза Бернары Кариевой напоминает стремительное течение бурной речки. И настроение ее меняется мгновенно: то она заразительно смеется, то становится задумчивой...

— Собственно говоря, я даже не знаю, чем меня привлекал балет, но с самого раннего возраста он был единственной целью.

Родители не совсем были согласны с моим желанием танцевать. Мать работала в Министерстве иностранных дел, затем в Министерстве финансов республики, и мир искусства был для нее чуждым. А отец, хотя и был тесно связан с искусством — он в течение пятнадцати лет возглавлял театр оперы и балета, — очень терпеливо отговаривал меня от моего увлечения, но... тщетно. В то время в Ташкенте не было хореографического училища, была лишь балетная студия при театре. С 1944 года ею руководила Зинаида Николаевна Афанасьева — ученица Вагановой.

В конце-концов отец согласился, чтобы я посещала студию, надеясь, что мое увлечение скоро пройдет. Но он ошибся. Я ведь умею быть очень упрямой. Как только в Ташкенте открылось Узбекское хореографическое училище, я произвела это в 1949 году, я подала заявление. Меня приняли без всяких экзаменов. Через четыре года я поехала учиться в Москву. Попала в класс Марии Кожуховой.

— В Ташкенте вы воспитывались в духе ленинградской школы балета. Почему же вы решили продолжать учебу в Москве?

— Таково было желание отца. Он утверждал, что если я хочу хорошо танцевать, то должна учиться в Москве. Его совет был действительно ценным, и я благодарна ему до сих пор. Разница в балетных школах очень чувствительная. Ленинградской школе присуща определенная строгость и сознательно сохраняемая верность традициям. Она почти не предоставляет танцорам свободы творчества.

— Стремление экспериментировать пробудила в

вас Мария Кожухова?

— Она дала мне прочную основу знаний. Когда я вернулась в Ташкент в 1956 году, мне доверили партию Заремы в «Бахчисарайском фонтане». К сожалению, Мария Алексеевна никогда меня не видела на сцене. В 1959 году мы поставили «Маскарад» и повезли этот балет в Москву. Я мечтала, чтобы Мария Алексеевна посмотрела этот спектакль, но она была тяжело больна.

Постановка имела колоссальный успех. Даже легендарная Галина Уланова похвалила ее. Она сказала тогда: «Очень грустно, что моя карьера уже закончилась».

Нынешнее балетное искусство обладает такими возможностями сценического изображения, что ему под силу передавать самые сложные мысли и чувства человека. Эти возможности балета подтвердила и осуществленная сейчас постановка «Отравленной жизни». Спектакль посвящен Хамзе Ханим-заде Ниязи. Композитор Румиль Вильданов написал прекрасную, проникновенную музыку. «Отравленную жизнь» мы показали в Москве. Прием был исключительно хорошим.

— Требования в балете исключительно велики. Как вы сохраняете форму?

— Мало ем, мало сплю, много упражняюсь. Все дело в воле.

Многие говорят: «Я всю жизнь посвятила искусству!». Но ведь это плохо. Что такое вся жизнь? Половину времени, отпущенного человеку, он должен посвящать семье, долгу. Я вышла замуж восемнадцать лет назад. У меня родилась дочь. Я забочусь о ней, о доме, и, несмотря на это, мой творческий рост не остановился. Три раза в месяц выступаю в театре, ежедневно работаю со своим «молодым балетом».

Это мой «второй ребенок». Я люблю молодежь, живу с нею одними чувствами. Я знаю ее стремление — попробовать во всем свои силы.

— Не упрекают вас почитатели классического балета за подобные эксперименты?

— Кто не понимает или не желает понимать нашу работу, тому она безразлична. Другие же очень помогают своей заинтересованностью. Мы ставим и классику, и народные танцы. Сейчас готовим «Русские узоры».

Перевод В. СЕМЕНОВА
из чехословацкого журнала «Свет социализму» № 5, 1980 г.